

Хэ Фань смотрел на улыбающееся лицо Хан Сиэня, и ему хотелось только одного — разрыдаться. Ещё свежо было воспоминание о том, как Сиэнь сидел на корточках у самого берега и точно так же, с мягкой, вежливой улыбкой, наблюдал за его отчаянными попытками выплыть. Юноша содрогался от мысли: что было бы, не подоспей слуги вовремя? Неужели Хан Сиэнь действительно хладнокровно позволил бы ему утонуть?

— Отчего же кузен молчит? — Хан Сиэнь наклонил голову, разглядывая его с притворным сочувствием. — Вид у тебя прямо-таки жалкий. Надо же было так сильно расшибить голову... Будь рана хоть на цунь глубже, пожалуй, и душу бы Богу отдал. Кузену стоит поскорее рассказать тётушке, кто именно его так разукрасил и почему он очутился в пруду. А то ведь тётушка без всяких улик пытается свалить всё на меня, а я напраслину терпеть не стану.

Только после этих слов Хэ Фань вспомнил про собственную рану. До этого, скованный первобытным ужасом, он даже не чувствовал боли.

Перед глазами снова встало лицо Хан Сиэня в тот миг, когда тот с абсолютным, пугающим спокойствием замахивался камнем. Слыша в тихом голосе кузена недвусмысленную угрозу, Хэ Фань наконец не выдержал и громко зарыдал. Теперь ему было плевать на женитьбу. Даже если бы Хан Минчжу была сошедшей с небес девой-небожительницей, иметь такого шурина он не пожелал бы и врагу.

Вцепляясь дрожащими руками в рукав матери, Хэ Фань сквозь слёзы взмолился:

— Матушка, я сам... я сам случайно ударился! И в воду сам упал! Пойдём отсюда скорее, пойдём домой!

Хан Сю, глядя на заливающегося слезами сына, исходила жалостью и гневом. В этот момент к озеру поспешно подошла старая госпожа Хань, получившая весть в своём дворике Вутонов.

Увидев окровавленную голову внука, старуха едва не лишилась чувств, но, будучи женщиной закалённой, быстро взяла себя в руки.

Она велела слугам немедленно унести Хэ Фаня в покои, после чего окинула присутствующих тяжёлым, леденящим взглядом.

— Кто бы ни посмел поднять руку на моего внука, я костями лягу, но добьюсь справедливости! Мы живём у подножия престола Сына Неба, и я не поверю, что на этих людей нет управы!

Всем было предельно ясно, в чей огород этот камень. Хан Чжо нахмурился, гневно уставившись на старшего сына, явно собираясь обрушить на него всю тяжесть отцовского гнева и заставить признать вину.

Однако Хан Сизнь опередил его. Он согласно кивнул с самым невинным видом:

— Бабушка говорит чистую правду. Закон суров и един для всех. Вот только кузен Хэ сам признался, что расшибся по собственной глупости. Не станет же бабушка просить Его Величество наказать прибрежные камни или этот пруд?

Лицо старой госпожи позеленело от ярости. Она не успела издать и звука, как Хан Сю сорвалась. В исступлении она выхватила из травы тот самый окровавленный булыжник и с диким воплем швырнула его прямо в голову Хан Сиэню.

В её безумном взоре читалось лишь одно желание — убить.

К счастью, Сиэнь разгадал её намерение за долю секунды до броска и легко отступил в сторону. Тяжёлый камень с глухим стуком врезался в землю там, где он только что стоял. Взгляд молодого человека мгновенно заледенел. Направив на Хан Сю пронзительный взор, он тихо, но отчётливо произнёс:

— Тётушка вознамерилась средь бела дня лишить жизни наследника, чей титул пожалован лично государем?

Слова эти прозвучали подобно грому среди ясного неба. Все застыли, словно громом поражённые. Хэ Фань, которого слуги как раз несли мимо, так вздрогнул от ужаса, что вывалился из рук носильщиков прямо на землю.

Хан Сю ошеломлённо уставилась на племянника. В её глазах промелькнул страх, уступив место лютой, ослепляющей злобе.

Руки старой госпожи мелко затряслись. Стоявшая рядом госпожа Лю поспешила поддержать свекровь под локоть, но не успела она произнести и слова, как Хан Сю вдруг покачнулась, сделала несколько неловких шагов назад и с громким плеском рухнула спиной в озеро.

Пока женщина барахталась в воде, призывая на помощь, из прибрежных зарослей внезапно выскочил человек в чёрной маске. Не давая опомниться опешившим слугам, Бай Шу ухватил Хан Сизня за шиворот и в мгновение ока перемахнул через высокую стену поместья.

Хан Чжо первым пришёл в себя. Охваченный паникой, он неистово закричал:

— Наследника похитили! Перекрыть все выходы! Взять разбойника живым или мёртвым!

Но его приказ запоздал. Белый силуэт Бай Шу, державшего Сизня как послушного цыплёнка, уже скрылся за крышами соседних усадеб.

Оказавшись далеко от поместья герцога, на тихой улочке неподалёку от усадьбы генерала Бая, Хан Сиэнь, чья голова изрядно проветрилась на холодном ветру, велел наконец опустить себя на землю.

Бай Шу остановился, стянул маску и с тревогой спросил:

— Я не ожидал, что эта сумасшедшая действительно решится на убийство. Прости, я среагировал чуть позже, чем следовало. Что теперь делать?

Хан Сиэнь молча стоял перед ним, разглядывая своего спасителя странным, непостижимым взглядом. Собственная жизнь его мало заботила, но то, что его тащили по воздуху за шкуру, точно незащищенного щенка... Пожалуй, за все четыре его жизни такое с ним случилось впервые. Ощущение было крайне причудливым.

Решив, что юноша попросту напуган, Бай Шу неловко попытался его утешить:

— Не бойся. Пока я рядом, они не посмеют причинить тебе вред.

Хан Сиэнь стряхнул наваждение и ровным голосом ответил:

— Они и так не посмеют.

Все эти люди — и старая госпожа, и Хан Чжо, и его второй дядя Хан Шу — могли строить козни, пока он оставался безвестным калекой. Но теперь, когда он обрёл благосклонность императора, как бы сильно они его ни ненавидели, проливать кровь в стенах собственного дома они бы не рискнули.

Ведь случись с ним что-то, император перевернёт всё герцогское поместье вверх дном, докопается до истины и лишит их титула. А Хан Чжо, столько лет усердно выстраивавший образ преданного супруга и безупречного чиновника ради будущего возвышения своего младшего сына Цзи Хуая, ни за что не допустил бы краха своей мечты.

Однако вмешательство Бай Шу в корне изменило дело.

Раз уж посторонний человек стал свидетелем того, как Хан Сю пыталась его убить, это преступление нельзя спускать на тормозах. Раз Сиэнь позволял тётушке безнаказанно прыгать вокруг него все эти дни, то теперь пришло время платить по счетам.

Мысли Хан Сю были слишком грязными. В молодости она отчаянно завидовала Хан Юнь, сокрушаясь, что семья не отправила в императорский дворец её саму. Всю жизнь она рвалась к

власти и богатству, не гнушаясь самыми подлыми средствами.

Сиэнь посмотрел на темнеющее небо. Врата дворца, должно быть, ещё не заперты. А если и заперты — даже если император уже почивает в объятиях какой-нибудь наложницы, ему придётся проснуться.

— Мне нужно во дворец, — твёрдо произнёс Хан Сиэнь.

— Я пойду с тобой, — не раздумывая, отозвался Бай Шу.

Сиэнь хотел было возразить, но вовремя понял, что упрямый инструктор всё равно увяжется следом и будет тайно оберегать его из тени.

У самых дворцовых ворот Сиэнь всё же заставил его остаться. Они не были мятежниками, чтобы брать цитадель приступом. К тому же появление генеральского сына потребовало бы от императора слишком долгих расспросов, что лишь усложнило бы дело.

Бай Шу проявил редкое послушание и остался ждать на углу улицы.

Хан Сиэнь в одиночестве подошёл к воротам. К его удаче, караул сегодня возглавлял Гао Фэн — тот самый гвардеец, что сопровождал его при разгроме поместья Ли.

При виде Сиэня лицо Гао Фэна исказилось сложной гаммой чувств, в которой смешались и почтение, и затаённая досада. Тем не менее он строго следовал уставу:

— Наследник, ворота заперты, Его Величество уже отошёл ко сну. Приходите завтра утром. Если дело не терпит отлагательств, вы можете передать докладную записку, её положат на императорский стол на рассвете.

Хан Сиэнь посмотрел ему прямо в глаза и тихо произнёс:

— Будь моё дело пустяковым, я бы не стал беспокоить государя в столь поздний час. Это вопрос жизни и смерти, и говорить я буду только с Его Величеством лично. Если он действительно спит, я прожду здесь до рассвета. Но если нет — уверяю вас, он захочет меня выслушать.

С этими словами Сиэнь достал из рукава изящную нефритовую подвеску.

— Эту вещь мне пожаловал сам император с наказом являться при любой крайней необходимости. Вам нужно лишь доложить обо мне, господин Гао.

Гао Фэн замялся, глядя на драгоценный жетон. Он был человеком нерешительным по натуре, но прекрасно помнил, какую щедрую награду получил после дела семьи Ли. Не желая портить отношения с фаворитом императора, он стиснул зубы и решился:

— Что ж... Я пошлю человека разузнать обстановку. Но если государь почивает, не обессудьте.

Удача вновь оказалась на стороне Сиэня. Когда гонец Гао Фэна прибыл во внутренние покои, император всё ещё сидел за государственными бумагами в своём кабинете. Верный евнух Юань Бао, дежуривший у дверей, услышав о ночном визите Наследника, сразу заподозрил неладное и поспешил доложить государю.

Заинтересованный столь поздним визитом, император велел впустить просителя.

Представ перед Сыном Неба, Хан Сиэнь не стал скрывать обуревавших его чувств. На его лице отразились глубокая горечь и обида.

— Ваше Величество, вашего покорного слугу пытались убить!

— Что?! — у императора мгновенно прошла всякая сонливость. Он нахмурился. — Кто посмел проявить подобную дерзость?

Хан Сиэнь выложил всё как на духу, сознательно умолчав о роли Хань Минчжу. Он честно признался, что кузен Хэ Фань показался ему подозрительным, отчего он решил проучить наглеца и хорошенько его избил. А затем подробно, в красках описал реакцию своей семьи, опустив лишь то, как ловко Бай Шу унёс его из поместья.

Император впервые видел человека, который с такой обезоруживающей прямоотой вываливал перед ним грязное бельё собственной семьи. Некоторое время он молча разглядывал юношу, после чего тяжело вздохнул:

— И ради этой домашней склоки ты поднял меня среди ночи? Чего же ты хочешь?

— Ваш слуга не смеет требовать наказания для родственников. Но моя помолвленная сестра... Ваше Величество лично обещал позаботиться о её замужестве. И то, что некоторые члены моей семьи ни во что не ставят её судьбу — разве это не прямое оскорбление императорского величия? О таком вопиющем неуважении к вашей воле я просто обязан был доложить.

Император усмехнулся:

— Оскорбление величия? Во всей столице нет никого, кто пренебрегал бы им чаще, чем ты

сам! Откуда в тебе столько дерзости?

Впрочем, в глубине души государь понимал, что это прекрасный повод приструнить зарвавшегося герцога Хань.

Сиэнь продолжал наступать:

— Она моя старшая родственница, и я не могу пойти против сыновней почтительности. Но я — пожалованный вами наследник. И если бы сегодня меня насмерть зашибли камнем, это стало бы несмываемым позором для всей императорской милости.

Император потёр виски, чувствуя, как начинает подступать головная боль:

— Ладно, довольно. Я разберусь с этим. Ступай домой.

Но Хан Сиэнь не спешил уходить. Он склонился в поклоне:

— Ваше Величество знает, что моя сестра выросла на дикой границе и совершенно не знакома с правилами столичного этикета. К тому же моё здоровье оставляет желать лучшего. Не найдётся ли в императорском дворце опытной наставницы, сведущей в лекарском искусстве, которая могла бы присмотреть за сестрой и заодно помочь мне с лечением?

Император смерил его долгим, пронзительным взглядом:

— Из тебя вышел на редкость заботливый брат. То ты требуешь для неё пышной церемонии совершеннолетия, то теперь выпрашиваешь дворцовую наставницу. Ты за кого меня принимаешь? За главу женской половины дома? Я повелитель Поднебесной, гоже ли мне разбираться в бабьих дрызгах?

— Порядок в тылу обеспечивает покой на фронте, точно так же, как порядок в гареме бережёт покой в государстве, — не моргнув глазом, парировал Сиэнь. — Раз уж Вашему Величеству негоже вмешиваться лично, это дело могла бы взять под крыло матушка-императрица. Под её защитой никакая нечисть в нашем доме не посмеет поднять голову.

Слыша, как юноша фактически превращает императрицу в грозного стража семейного очага, государь лишь безнадежно махнул рукой, выставляя докучливого просителя вон.

Добившись своего, довольный Хан Сиэнь покинул дворцовые чертоги.

Когда молодой человек благополучно вышел за ворота, Гао Фэн заметно повеселел и даже вызвался проводить его до угла улицы. Попрощавшись с гвардейцем, Сиэнь свернул в тень, где его тут же окликнул вынырнувший из темноты Бай Шу:

— Ну как? Император не разгневался на тебя?

— Всё в порядке, — лаконично отозвался Сиэнь.

Бай Шу с облегчением выдохнул.

Когда они поравнялись с воротами генеральской усадьбы, Хан Сиэнь остановился:

— Вот ты и дома. Ступай, тебе пора.

Бай Шу почесал затылок, явно колеблясь:

— А ты? Дойдёшь сам? Может, мне всё же проводить тебя до ворот?

— Не стоит, — покачал головой Сиэнь. — Я только что от императора, сейчас они не посмеют причинить мне вред. Наверняка они уже ищут меня по всему городу. Если тебя увидят со мной, посыплются ненужные вопросы, и это бросит тень на твою семью.

Бай Шу признал его правоту, кивнул и скрылся за дверями родной усадьбы, на прощание одарив юношу тёплой улыбкой.

Хан Сиэнь неторопливо побрёл по ночным улицам. Стоило ему ступить на проспект Алого Феникса, как дорогу ему преградил ночной патруль.

Узнав Наследника, командир отряда почтительно склонился:

— Наследник! Ваш батюшка, герцог Хань, сообщил нам, что на вас напали разбойники, и вся стража с ног сбилась в поисках. Какое счастье, что вы целы и невредимы. Позвольте нам проводить вас до дома.

Сиэнь вежливо улыбнулся:

— Премного благодарен.

На подходе к поместью им навстречу выбежал Хан Юэвэнь в сопровождении слуг. Увидев брата, он тут же обернулся к своему слуге Вэнь Мину:

— Живо беги к отцу, доложи, что старший брат нашёлся!

Поблагодарив стражников, Хан Сиэнь в сопровождении Хан Юэвэня вошёл под арку родных ворот. Всю дорогу младший брат бросал на него косые, полные недоумения и скрытой тревоги взгляды. В его голове теснились сотни вопросов.

Судя по сегодняшнему происшествию, Юэвэнь вновь убедился: Хан Сиэню было абсолютно плевать на репутацию их семьи. Он понимал мотивы брата, но от этого на душе становилось лишь горше.

В таком гнетущем молчании они дошли до парадной залы.

Там их уже ждали. Хан Чжо, Хан Шу, а также молодые господа Хан Юэчжун и Хан Юэцин застыли каменными изваяниями, сурово взирая на вошедшего Сиэня.

Герцог Хань сделал шаг вперёд, его голос дрожал от сдерживаемого гнева:

— Где ты был?!

— Разумеется, во дворце, — небрежно бросил Хан Сиэнь.

Хан Чжо покачнулся, его лицо побледнело:

— Зачем ты явился туда глухой ночью? У Его Величества полно государственных забот, неужели любая домашняя чепуха стоит того, чтобы тревожить государя? Ты действительно посмел потревожить его?

— Чепуха? — Сиэнь насмешливо приподнял бровь. — Мой титул пожалован лично императором. И если кто-то в этом доме открыто пытается меня убить, я почёл за благо незамедлительно уведомить об этом трон.

Хан Чжо лишился дара речи. Второй дядя, Хан Шу, в ярости выступил вперёд:

— Пусть ты и наследник, но прежде всего ты — сын рода Хань! Как ты смеешь проявлять такое своеобразие и...

Хан Сиэню надоело слушать этот унылый вздор, и он бесцеремонно оборвал его на полуслове:

— Возможно, для второго дяди покушение на мою жизнь — пустяк. Но Его Величество усмотрел в этом вопиющее пренебрежение своей волей. Если сегодня какая-то безумная баба смеет швырять камни в законного Наследника, завтра она, чего доброго, захочет вершить

судьбы государства. Если второй дядя разделяет её взгляды, я обязательно передам это императору, когда он призовет нас к ответу. А сейчас я изрядно утомлен пережитым потрясением и желаю откланяться.

Не удостоив взглядом багровое от злости лицо Хан Шу, Сиэнь повернулся, чтобы уйти. Но сделав пару шагов, словно вспомнив о чём-то важном, он резко остановился и обернулся к отцу с сияющей, безупречной улыбкой.

В его облике не было ни капли страха или усталости.

— Моя четвёртая сестра выросла на границе, и её манеры оставляют желать лучшего. Я испросил у Его Величества дозволения прислать к ней опытную дворцовую наставницу, знающую толк в медицине. Завтра она прибудет в поместье вместе с императорским указом. Простите, что не предупредил заранее.

В знатных домах самым излюбленным способом избавления от неугодных дочерей было использование особых ядов, лишавших девушек возможности иметь детей, что навсегда разрушало их будущие браки. Приставив к Хань Минчжу опытную наставницу, знающую толк в лекарствах, Хан Сиэнь обеспечил сестре абсолютную защиту.

Эта мягкая, торжествующая улыбка в полумраке залы заставила присутствующих содрогнуться от необъяснимого предчувствия. Они молча, затаив дыхание, провожали глазами его удаляющуюся фигуру.

Когда шаги Сиэня стихли, Хан Шу в крайнем смятении повернулся к старшему брату:

— Брат, что нам делать? Как быть с матушкой? Неужели этот негодяй действительно донёс императору?

— Несомненно, — подал голос Хан Юэвэнь. — Когда я встретил старшего брата, его сопровождал личный патруль императорской гвардии.

Хан Чжо тяжело, со свистом выдохнул и со злостью оборвал расспросы:

— Этот безумец способен на всё, вы ещё не поняли? Я предупреждал: не смейте трогать его, не лезьте к нему! Никто не слушал! А теперь, когда запахло жареным, вы бежите ко мне? Завтра на рассвете я сам отправлюсь во дворец, принесу повинную и попытаюсь узнать намерения Его Величества.

Хан Шу виновато опустил голову, не смея больше проронить ни слова.

На следующее утро Хан Сиэнь поднялся ни свет ни заря. Наскоро позавтракав, он покинул свой дворик Душистых Орхидей в сопровождении служанок — Би Хуа и Юнь Чжи.

Хан Цинсюэ, по обыкновению, вернувшись после утреннего приветствия старой госпожи, сидела в садовой беседке, наслаждаясь чаем. При виде неторопливо приближающегося Хан Сиэня её рука дрогнула, и изящная фарфоровая пиала с тихим звоном полетела на каменный пол.

Сиэнь медленно подошёл ближе. Хан Цинсюэ поспешно поднялась, силясь сохранить лицо:

— Третий брат... Редко увидишь тебя на прогулке. Пожалуй, я не стану мешать твоему отдыху.

Она сделала движение, чтобы уйти, но тихий голос Сиэня заставил её замереть на месте:

— К чему спешка, старшая сестра? Я ведь пришёл именно к тебе.

<http://bllate.org/book/20088/2001997>